

## ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.1: 004.738.5: 81'38  
DOI: 10.17223/19986645/46/14

**В.Д. Мансурова**

### ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СМИ

*В статье представлены результаты исследования особенностей образования негативной «семантической избыточности» в концептосфере «патриотизм» в текстах российских сетевых средств массовой информации. Анализ содержания текстов показал, что в неформальном сетевом пространстве конкурируют несколько видов патриотического дискурса. В результате концептуального анализа их семантики выявлено, что доминируют дискурсы, концептосфера которых отражает неоднозначность идейно-политической обстановки в России. Тексты сетевых СМИ предъявили экспликации концептов «патриот» и «патриотизм» в форме их девиации. В качестве слов, репрезентирующих смещение их смысла в область социальной и культурной аномалии, в активный оборот стали вовлекаться многочисленные иронически и экспрессивно окрашенные неохрестоматии, концепты с амбивалентной или негативной коннотацией.*

*Ключевые слова: патриотизм, семантический дискурс, эмерджентность Сети, метафорика, когнитивный экстрим, конкуренция дискурсов.*

#### **Дискурс как социальная конвенция**

Концепт «патриот» восходит к греческому *αἰνεῖος* – земляк, соотечественник и *αἶψα* – родина, отечество. Основанный на этимологии слова *patris* – «родина, отечество», *patriotes* – «земляк, соотечественник», он и определяет смысло-жизненное пространство многих народов. «Быть патриотом» на любом языке означает привязанность и любовь ко всему отеческому (родной земле, языку, традиции), готовность к добровольному служению и защите отечества. Патриотизм в духовном опыте российского народа издревле являлся онтологически значимым компонентом его самоосуществления и самостояния в любых испытаниях. Патриотическая идея, под значительным влиянием которой находился отечественный дискурс державности, сформировала традиции публичного обсуждения насущных проблем общества. Идеи и смыслы, откристаллизованные в базовых понятиях патриотизма, имеют особое значение для сохранения духовных и культурных основ российской общности народов. Идеей патриотизма изначально, с дошедших до современников устных преданий и письменных фольклорных источников, были пронизаны все векторы жизненной основы духовно-нравственного самоосознания российского народа. Но именно она подверглась существенной дискредитации хаосом социально-экономической трансформации общества, недавно пережившего смену властей и формы государства.

Если академический Словарь русского языка, выход которого датирован 1984 г., даёт всего 8 словарных статей – существительных, наречий и прилагательных с производными значениями слова «патриот» [1. С. 32–33], то в

общеупотребительном лексиконе современной массовой коммуникации насчитывается несколько десятков новых производных. При этом – в диапазоне различных толкований – от «новояза» до лексико-синтаксических конструкций с обценной семантикой (например, госпатриот, квазипатриот, юдопатриот, поцреот, гей-патриот, патрохам). В постперестроечные годы на страницах российских газет, в особенности в сетевых средствах массовой информации, появились такие понятия, как «православный патриотизм», «либеральный патриотизм», «надэтничный патриотизм», «просвещённый патриотизм», «левый патриотизм», «бритоголовый патриотизм», «путинский абстрактный патриотизм», «оплаченный патриотизм», «показной патриотизм», «товарный патриотизм», «модный патриотизм», «квасной патриотизм»...

Дериваты слова «патриот» широко употребляются в самых различных дискурсах: государственном, либерально-демократическом, религиозном, коммунистическом; бытуют в дискурсивных конструкциях, порождаемых маргинальными субкультурами. В представлении разных людей, даже говорящих на одном языке, они репрезентируют разные субъективные представления и смыслы, которые структурируются концептами «патриот» и «патриотизм».

С одной стороны, идеологическое доминирование официальной машины убеждения, зачастую оторванное от реальности и конкретики «жизненного мира» (Ю. Хабермас) человека, не могло не вызвать его ответного стремления выразиться в свободном от официоза коммуницировании. С другой стороны, почему именно концепты «патриот» и «патриотизм», как никакие другие репрезентанты традиционных для России социально значимых кодов общественного консенсуса, в условиях социально-экономической трансформации в России оказались в эпицентре глобальных контаминаций – от идеологических до структурно-семантических?

Французский философ, теоретик культуры и историк М. Фуко в работе «Воля к истине» обращает внимание на особый дискурс, который состоит, по выражению Б.М. Гаспарова [2], из бесконечно повторяющихся «монад языкового опыта»: «Можно предположить, что во всех обществах весьма регулярно существует разноуровневость дискурсов: есть дискурсы, которые «говорятся» и которыми обмениваются изо дня в день; дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны; и есть дискурсы, которые лежат в основе некоторого числа новых актов речи, их подхватывающих, трансформирующих или о них говорящих, – словом, есть также дискурсы, которые – по ту сторону формулирования – бесконечно сказываются, являются уже сказанными и должны быть ещё сказаны» [3. С. 59].

К категории «бесконечно сказывающихся» как раз и относится дискурс патриотизма, который генетически определяет коды духовной культуры России и актуализируется в публичной сфере в связи с определёнными обстоятельствами и настроениями в обществе. Публичный дискурс патриотизма возникает по поводу проблем, так или иначе затрагивающих интересы большинства граждан, поскольку эти интересы восходят к основным жизнеопределяющим понятиям: «отечество» и «отчество», «земляк» и «родина». Он является одним из значимых социальных ресурсов, в котором идеология (в отличие от всех других идеологических дискурсов, например политического)

раскрывается в многообразии ареалов человеческого бытия: экономическом, культурном, семейном, проявляется в спорте, досуге и развлечениях.

В основе общепринятых норм, законов и догм находятся иррациональные мотивы и конвенции, характерные для той или иной историко-культурной эпохи или социокультурной среды. Это наблюдение легло в основу толкования сущности дискурса М. Фуко. С его точки зрения, человек под его влиянием утрачивает свою автономию и цельность, незаметно для себя самого следуя указаниям довлеющего над ним дискурса [4. С. 121].

Вместе с тем идеология, понимаемая как принятая в конкретном обществе система представлений и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к обществу и друг к другу, дискурс патриотизма в большинстве случаев репрезентируется в контексте не конформистского, а личного, «опытного переживания». Теоретик дискурс-анализа Тён ван Дейк отмечает, что такие ментальные контекстные модели «...субъективны, они определяют ситуацию и могут быть незаконченными, необъективными, осознанными на предрассудках, т.е. кардинально отличными от того, что называется «объективная ситуация» [5. С. 288]. Они динамично конструируются и изменяются в процессе коммуникации.

Альтернативные СМИ, специализированные «нишевые» медиа, мобильные телефоны и сеть Интернет существенно расширили доступ граждан к индивидуальному коммуницированию. Геополитическая ситуация, в которой оказалась страна после присоединения Крыма и начала гражданской войны на Украине, празднование юбилейной даты – 70-летия Победы в Великой Отечественной войне сфокусировали общественные настроения на обсуждении современного понимания истинного и ложного патриотизма. Патриотический дискурс как особая социальная конвенция, до поры сакрализованная традицией национально-государственного охранения, оказался во власти многоконтекстной репрезентации в публичной коммуникации. Как предположил редактор популярного сетевого ресурса [www.Однако.ru](http://www.Однако.ru) В. Мараховский, поляризация мнений привела к тому, что «...в СМИ и политических интернетах плотно сражаются друг с другом два сильно деградировавших «дискурса». Один – восторженно антироссийский, наследник «колониальной администрации 90-х», сохранивший за собой с той поры академические и исполнительные должности в официальных структурах, но лишённый монополии на публичную политику. А второй – т.н. «охранительский», почему-то видящий единственную патриотическую задачу в бойком уличении Запада и его местных креатур» [6].

Объективной предпосылкой для актуализации в повестке дня средств массовой информации личного, «опытного переживания» темы патриотизма стало доминирование публичной коммуникации в пространстве сетевых СМИ. Функционирующие на современной технологической базе производства и распространения информации, они перехватили пальму первенства в предоставлении возможности для свободного коммуницирования и конструирования публичного диалога, по тотальности воздействия не имеющего равного себе в системе СМИ. В противовес авторитарному дискурсу власти, формируемому в любом современном государстве медиаструктурами, подконтрольными ей в политическом и экономическом плане, этот идеологиче-

ский дискурс заявляет о себе как синкретичная самоорганизующаяся система ценностных суждений, консолидирующихся вокруг обсуждения неоднозначно понимаемых обществом актуальных проблем.

Но, по утверждению Тёна ван Дейка, и этот публичный дискурс свободен лишь относительно. Он подчиняется изощрённой технологии «символической власти» тех, кто обеспечивает функционирование глобальной сети и моделирует спектр консенсуса или разногласий в формах массмедийного дискурса: «Их символическая власть не сводится исключительно к артикуляции как таковой, но также распространяется и на способы воздействия; эти группы могут устанавливать повестки дня для публичных дискуссий, определять тематическое соответствие текстов, управлять объемом и типом информации, особенно в отношении того, кто и как изображается в публичной коммуникации. Они являются производителями общедоступных знаний, убеждений, оценок, норм, ценностей, морали и идеологии» [5. С. 52]. И тем не менее благодаря всеобщей доступности и поголовно бытующей иллюзии о не регламентированной никем свободе коммуникации именно пространство сетевых СМИ оказалось наиболее пригодным для производства и распространения семантических конструкций, образующих конгломерат противоречивых оценочных и поведенческих стратегий, как объединяющих, так и разъединяющих разные слои общества.

Основой возникновения такого эффекта является в первую очередь сама гипертекстовая структура сети Интернет, способная в «один клик» компьютерной мышки соединить разнородные тексты из множества информационных ресурсов. Не менее действенным является и принцип эмерджентности системы сетевого взаимодействия (англ. emergent – внезапно возникающий), когда его результат демонстрирует резкое нелинейное усиление ранее мало заметного свойства, становится следствием непредсказуемой бифуркации какой-либо подсистемы или следствием рекомбинации связей между элементами. То есть в процессе функционирования текстов в Сети происходит внезапное приращение или видоизменение генерируемого ими смысла – результат, который изначально не предвещала семантика каждого из них.

Кроме этого, семиозис идеологического конструирования подчиняется закону «вирусного распространения информации» в Сети. По утверждению автора этого термина А. Мирошниченко, «Если у юзера получается быть интересным, он инфицирует интересом тех, кто контактирует с ним. При достаточном количестве заражённых начинается эпидемия интереса к конкретной теме. Поэтому я называю этот феномен вирусным редактором. Вирусный редактор обеспечивает не только передачу, но и кристаллизацию смысла, наиболее важного для всей общности заражённых, а также выбор наилучших формулировок. Эпидемия микроредактур прямо и непосредственно (без посредников, без медиа) рождает социальную значимость в масштабе сообществ или всего общества» [7].

«Вирусное» распространение лайков и репостов, эмерджентный характер их взаимодействия способны вмиг возвести в эпицентр всеобщего внимания текст с любой коннотацией. Но превращение его в «повестку дня» для публичного полилога нельзя отнести только к результатам самообразования новых смыслов в результате функционирования текстов в открытой самоорга-

низирующей системе массового коммуницирования. Факторами, точнее, аттракторами этого процесса становятся ресурсы самого феномена – текстов, функционирующих в Сети. Одновременное коммуницирование субъектов с различными идеологическими, культурными и морально-ценностными установками создаёт символические области репрезентации «мира мнений» и «мнений о мире». Эта публичная сфера как совокупность обыденных неприватных коммуникаций, противостоящих политической и экономической системам, по определению Ю. Хабермаса, образует своеобразные сетевые знаковые системы – дискурсы. По его заключению, дискурс возникает по поводу проблемы, а проблемы репрезентируются дискурсом [8. С. 45].

### **«speech act» и «атом дискурса»**

Именно содержательно-тематическая общность многих текстов, интегрированных совокупностью коммуникативных актов, связанных с определённой проблемой, образует дискурс как коммуникативное событие. Средством интеграции подобных текстов становятся общность темы, ассоциативная связь концептов, семантически или функционально объединённых в коммуникативном акте. М. Фуко описывает дискурс как «место возникновения понятий». Это не столько корпус обозначенных текстов, сколько отношения между отдельными высказываниями, элементами высказываний, пронизывающие совокупное множество текстов и объединяющие их в единую дискурсивную формацию. Идея дискурсивной Сети – центральное понятие теории дискурса у М. Фуко [4. С. 111].

Дискурсологии М. Фуко принадлежит и констатация важности «высказывания», положенного в основу акта коммуникации. Называя его «атомом дискурса», философ даёт поистине поэтическое описание его коммуникативного статуса: «Это узелок, возникающий на поверхности ткани, конституирующим элементом которой он является» [4. С. 161]. В отечественной лингвистике (работы Е.С. Кубряковой, Н.Д. Арутюновой, С.Г. Воркачева, В.И. Карасик, В.В. Красных, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и др.) в роли такого «атома» рассматривается категория «концепт». В консолидированном мнении большинства исследователей, содержание дискурса концентрируется вокруг «опорного» концепта, в котором заключена глубинная смысловая структура. По мнению А.А. Леонтьева, в концепте («мыслительном сгустке») осуществляется внутреннее программирование речевого высказывания, другими словами, «...неосознаваемое построение некоторой схемы, на основе которой в дальнейшем порождается речевое высказывание» [9. С. 7]. Ю.С. Степанов отмечает эмоциональную насыщенность концепта: концепты не только «мыслятся», они «переживаются» [10. С. 41]. Исследователь С.Г. Воркачев особо выделяет «культурные концепты» как ментальные сущности, «в которых отражается «дух народа» [11. С. 10]. В.В. Красных обращает внимание на семантические образования, которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического маркера мира его носителей. Это «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея "предмета" в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [12. С. 268]; «своего рода свёрнутый глубинный "смысл" "предмета"» [Там же. С. 269]. Дан-

ные определения имеют принципиальное значение для концептуального анализа «ключевых слов», т.е. слов, особо значимых для национальной культуры и вовлечённых с семантику патриотического дискурса.

Концептуальный, лингвокультурологический анализ содержания сетевых СМИ, включившихся в обсуждение патриотической проблематики в год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне и геополитических потрясений, затронувших основные сферы жизни страны, преследовал цель раскрытия словообразовательной активности слов-репрезентантов, определяющих эвристичность концептов «патриот» и «патриотизм». Для анализа была определена публикационная активность сетевой версии газеты «Комсомольская правда», которая имеет многолетний опыт освещения проблем и событий патриотической тематики. Проанализированы отдельные выпуски сетевых СМИ, которые не имеют многолетних традиций освещения тем патриотизма, но благодаря «нашумевшим» публикациям оказались в эпицентре повышенного внимания интернет-аудитории: общеполитического журнала «Новое время» ([www.newtimes.ru](http://www.newtimes.ru)), глянцевого журнала «Максим» ([www.Maxim.ru](http://www.Maxim.ru)), «ELLE» ([www.elle.ru](http://www.elle.ru)), сетевых ресурсов [www.professional.ru](http://www.professional.ru), [www.ruxpert.ru](http://www.ruxpert.ru), [www.rufabula.com](http://www.rufabula.com), [www.odnako.org](http://www.odnako.org), [www.gazeta.ru](http://www.gazeta.ru).

Анализ проблематики содержания исследованных СМИ позволил очертить рамки «...когнитивной базы, под которой понимается определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета [12. С. 61]. Выделение и классификация ключевых слов-репрезентантов – лексических единиц, которые наиболее полно номинируют исследуемые концепты «патриот» и «патриотизм», в свою очередь, дали возможность зафиксировать их словообразовательную активность в формировании специфических «субполей в номинативном поле актуализируемых концептов» [13. С. 47]. Была выявлена также негативная коннотация большинства новообразований.

Так, в процессе контент-аналитического исследования выпусков сетевой версии газеты «Комсомольская правда» за период с января 2015 г. по январь 2016 г. методом сплошной выборки выделено 237 публикаций – 1% всех публикаций за исследуемый период, имеющих явное отношение к теме патриотизма. Как и следовало ожидать, наибольшее внимание было уделено газетой событиям, связанным с победой в Великой Отечественной войне и празднованием 9 Мая (58 %), с внутренними политическими событиями (10 %), присоединением Крыма (8 %), с военными действиями в Украине (7 %) и Сирии (6 %), героическими поступками граждан (7 %), строительством космодрома «Восточный» (2 %) и положением российской армии (2 %). Данные события выступают как элементы социальной практики, оказывающей существенное влияние на современное состояние национально-культурного менталитета граждан страны. Публикации с положительной коннотацией (51 %) посвящены в основном воспоминаниям о героях и событиях войны, празднованию юбилея Победы, организации патриотических акций, утверждению действительности традиций долга и самоотверженного труда во благо отечества.

Концептосфера патриотизма как «...упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления» [13. С. 47], представленная газетой «Комсомольская правда» в публикациях с положительной модальностью, по частотности употребления в текстах образована словами-репрезентантами, которые, согласно концепции З.Д. Поповой и И.А. Стерни-на [Там же. С. 93], могут быть актуализированы «в сознании современных носителей языка на уровне бытийности и рефлексивности» [Там же]:

1) «бытийный уровень – уровень фактического, практического применения»: «День Победы», «красный флаг Победы», «праздник», «парад», «памятник», «возложение цветов», «георгиевская лента», «Вечный огонь», «мемориал», «дом», «мирная жизнь», «потомки», «грандиозная стройка»;

2) «рефлексивный уровень – уровень теоретического знания»:

а) возвышенная лексика: «родина», «народ», «мир», «война», «мужество», «память», «скорбь», «почитание», «защита», «ветеран», «благодарность», «подвиг», «свобода», «помощь», «дань уважения», «герой», «богатыри», «честь», «отвага», «благородное дело», «удача», «вера», «радость», «слезы», «скромность», «решительность», «смелость», «неравнодушие», «защита», «гордость», «честь», «доблесть», «долг», «российский флаг»;

б) лексика с функциональной коннотативностью: «позор», «вранье», «осквернение», «вызывающее поведение», «распятие», «провокация», «воровство», «неуважение», «переписывание», «равнодушие», «кошунство», «угроза», «атака», «враг», «остервенение».

На уровне лексико-семантических различий в текстах патриотического дискурса преобладают оценочность, положительная коннотация, эмоциональная возвышенность даже в текстах с гневным осуждением «непатриотичного», по мнению авторов, поведения отдельных личностей. Данные ключевые слова репрезентируют ту сферу когнитивной и общекультурной практики аудитории, которая соотносена с укоренившимися в её менталитете представлениями о событиях прошлого и настоящего. Но! И это самое главное – она традиционно-привычно, неоднократно и в разных контекстах была предъявлена во множестве публикаций как в самой газете, так и в других изданиях. Не случайно в сетевой версии «Комсомольской правды», которая, как правило, изобилует комментариями, публикации, маркированные такими словами-репрезентантами, не стали поводом для активного обсуждения.

Но такого же результата удостоилась и нетипичная для глянцевого журнала «ELLE» акция с публикацией «Гид по современной российской действительности». В ней, как поясняет автор Д. Киселёв, известный журналист, ведущий информационной программы «Вести» на государственном телеканале, «...собраны в алфавитном порядке события, места, имена и явления, ставшие знаковыми атрибутами и ориентирами нашей родины» [14]. В обзоре актуализированы артефакты, вербализирующие инновации в культурной и бытовой сфере жизни, так, называемой, «продвинутой» части населения страны: «арт-кластеры – новые центры культуры, искусства, тусовок и развивающегося бизнеса; граффити с лицами русских писателей, пункты бук-кроссинга, где можно взять или оставить любую книгу; сфера beauty-услуг; русский дизайн; русская кухня, которая переживает расцвет; хорошее рос-

сийское кино, которое востребовано везде, в том числе и за рубежом...» [Там же].

Ключевыми словами, обеспечивающими связность всего вербализованного разнообразия артефактов, в обзоре журнала «ELLE» являются «родина», «российский», «русский». Очевидно, на них возлагалась функция создания метафорического образа процветающей страны, которой можно гордиться. Но воззвание к патриотическим чувствам так и осталось безответным: за десять месяцев, прошедших со дня его появления в Сети, не последовало ни одного комментария к инновационному «прочтению» проблемы патриотизма.

Попытка внесения в концептосферу патриотизма новых семантических образований, отражающих инновационные изменения в социокультурной сфере жизни страны, не увенчалась успехом не столько потому, что они ещё не вошли в когнитивную карту национального менталитета. Подобные публикации, хоть и в менее пафосной форме, заняли лидирующие позиции в массовой прессе, поддерживающей так называемые «охранительно-государственные» принципы освещения проблем патриотизма. В сетевом пространстве Рунета повышенное внимание было приковано к текстам, семантика которых стала отражать неоднозначность идейно-политической обстановки в России. Назвав только два «деградирующих» дискурса, редактор сетевого ресурса «Однако» явно недооценил роль ещё одного, вступившего в конкурентную борьбу со всеми бытующими в Сети актуальными дискурсами.

#### **«...Приговор суда без разбирательства»**

Основным пространством, куда привносятся идеи «нового» патриотизма, становятся сетевые СМИ. Именно здесь происходят главные сражения с официальным или «гламурно-патриотическим дискурсом», смысл которого – «получение удовлетворения от любви к себе и Кремлю через Интернет» [15]. В отличие от семантических конструкций, репрезентирующих проявления патриотизма в социально значимых сферах жизни, тексты сетевых СМИ предъявили экспликации концептов «патриот» и «патриотизм» в форме их девиации – как якобы более соответствующей социальной аномии общества, в котором ценности, нормы и социальные связи отсутствуют, ослабевают или противоречат друг другу.

В качестве слов, репрезентирующих смещение их смысла в область социальной и культурной аномалии, в активный оборот стали вовлекаться многочисленные иронически и экспрессивно окрашенные неологизмы. Новообразования типа «госпатриот», «квазипатриот», «поцреот» вошли в лексикон и блогеров с именем, и анонимных авторов комментариев и «постов» в сетевых СМИ. Действенным аттрактором в самоорганизации сетевой коммуникации, связанной с темами патриотизма, является и стигматизация (от греч. stigma – клеймо) или навешивание ярлыков. Вербализованная форма стигматов – мем – в качестве лексической единицы, наделённой неким десакрализирующим смыслом, получил статус медиавируса, который со скоростью реакции сетевого коммуниканта – «в один клик» – объединяет разрозненные тексты в специфические дискурсивные конструкции. Мемы «совок», «ватник», «кремлебот», «кремлядь» как словаре-презентанты образуют концептосферу демонстративного и ложного, по

убеждению авторов, патриотизма: «...общество, пораженное вирусом «совка»; «Власть доказала – в первую очередь себе, что на волне патриотической истерии может и без вбросов обеспечивать комфортный результат на выборах» [16].

Поскольку основные области жизни дискредитированы провластной идеологией, авторы сетевых СМИ предлагают искать настоящий патриотизм в других сферах. В качестве слов для номинации «новых» лакун его проявления предлагаются лексические единицы из специальных словарей:

– представитель нетрадиционной сексуальной ориентации: «...такое явление, как гомосексуализм (как, кстати говоря, и коррупция), может иметь разную природу – может быть компрадорским, но может быть и патриотическим. И мы, как государство, как цивилизация, допустили фундаментальную ошибку, фактически без боя сдав гомосексуальный дискурс» [17];

– индивидуалист: «Даже самая оголтелая пропаганда пока не выжгла в миллионах россиян естественное желание поступать хотя бы в бытовой жизни так, как им лучше, а не «как прикажет Родина». ...Ехать в отпуск туда, где вам лучше. Есть вкусные продукты, а не обязательно «импортозамещенные». Смотреть кино, спектакли и выставки, которые нравятся вам, а не товарищу Мединскому. Быть патриотами себя» [18].

Семантическими компонентами концепта «патриот» в его девиантной форме становятся специфические эпитеты, слова из группы лексических приращений-компрессантов: ядром является субполе «субъект», центральными компонентами – субполе «функционер» и субполе «словоблуд, лицемер». Типичный вариант подобного конструирования семантического поля дискурса патриотизма для «разоблачения» квазипатриотов представлен в обзоре «Пар Отечества: 16 типов самых колоритных как бы патриотов нашей действительности» в сетевой версии журнала «MAXIM» [19]. Сама частица «как бы» в заглавии обзора, как слово-паразит, сигнализирует о профанном, онтологически и аксиологически низком статусе описываемых субъектов.

В перечне «как бы патриотов» представлены якобы типологизированные образы политиков, общественников, эстрадных исполнителей. Но описание каждого типа сопровождается шаржированным и тем не менее узнаваемым портретом известного в стране человека. Группу типажей функционеров-лицемеров номинируют слова-репрезентанты с саркастической коннотацией – «государственный муж», «патриот-депутат», «патриот по долгу службы», «культур-патриот», «антимайдановец», «патриот 88», «нашист». Группу уличённых в словоблудии репрезентируют ключевые слова, обогащенные тропами, метафорическими эпитетами, – «православный патриот», «патриот из телевизора», «патриот тра-ля-ля», «евразиец», «православный хунвейбин», «патриот земляной», «патриот как все», «разум возмущенный», «в красно-коричневых тонах» [Там же].

За каждым из типажей рисуется метафорический образ того самого «совка», который способен только на имитацию чувств и деяний в виде «пара патриотизма». Поскольку патриотический дискурс по определению является частью критикуемого идеологического, то можно определить, что экспрессивный вокабуляр и метафорика задействованы авторами обзора о «16 типах...» из лексикона оценки явных социальных девиаций и обычаев

«мира животных». К примеру, авторами монографии «Метафора в политическом интердискурсе» Э.В. Будаевым и А.П. Чудиновым выявлены 4 типа метафор, участвующих в «метафорической экспансии» в политическом дискурсе: антропоморфная, природоморфная, социоморфная и артефактная [20. С. 120].

Следуя этому определению, можно отметить, что, социоморфная метафора положена в основу образов: *православный патриот* – «...уверенно знает, чего хочет Бог (какие купальники, митинги и сексуальные практики ему нравятся, а какие нет)... Мужчины часто бородаты, дамы обычно сильно в возрасте и равнодушны к прозрачным косынкам. Любят фотографироваться со свечами в церкви»; *патриот из телевизора* – «Когда в приватной обстановке слышит слова «правда», «факт», «истина», он то ли чихает, то ли усмешается – не разберешь»; *патриот по долгу службы* – «Все они, безусловно, являются правильнейшими патриотами, то есть если и имеют свое мнение, то тщательно держат его при себе, неукоснительно выполняя распоряжения сверху. В конце концов, им еще нужно ипотеку платить и детей на ноги ставить»; *культур-патриот* – «Беспоощадность к врагам рейха...»; *патриот 88* – «Ну разве что маленькая татуировочка с любимым фюрером в укромном месте – просто для души»; *патриот как все* – «Георгиевская лента, наклейка с флагом России и небольшой иконостас в салоне автомобиля».

С опорой на зооморфные метафоры выписаны портреты: *православный хунвейбин* – «Розовые слоноподобные ангелы с пылающими хоботами»; *нашист* – «Наряжен дымящимся бычком, акулой империализма или пьяной лошастью»; *патриот-депутат* – «При появлении реально власть имущих на линии горизонта ощутимо проседает в хребте и теряет не менее четверти роста» [19].

Подобная метафорика очень точно «вписывается» в образное определение исследователя Н.Д. Арутюновой: «Метафора – это «приговор суда без разбирательства» [21. С. 28]. Экспрессия словосочетаний создаёт смысл, который напрямую, казалось бы, не выводится из значений согласуемых слов и допускает широкий спектр семантических трансформаций. Но как «вирусы» сетевой коммуникации, они порождают «эпидемию интереса» к конкретной теме, распространяясь в Сети и усиливая негативную семантическую избыточность. С одной стороны, свободное коммуницирование в пределах законодательно закреплённых правил не лимитирует словотворчества. С другой стороны, дискурсы, как семиотические механизмы конструирования социально значимых паттернов – «устойчивого, контекстно-обусловленного повторения человеком собственного поведения или мышления для достижения определенных результатов» [22], способны существенно нарушить баланс соотношения сил в обществе.

Устойчивое динамическое состояние социальной системы, по законам синергетики, определяется функционированием в системе определённого количества константных, структурных, единиц ядра культуры. По заключению отечественного философа М.В. Сапронова, именно «структурная информация является жёстким ядром культуры данного социального организма и связывает воедино его разнообразные элементы. Историческая этнология и социология используют для характеристики ядра понятие «центральная зона

культуры» [23. С. 162]. Определяя культуру как «...способы приспособления к окружающей среде», ученый обозначает структурную информацию через понятие «традиция» [Там же].

Именно наличие «жёсткого ядра культуры», традиционной культуры, в структуре информацииогенеза системы обеспечивает ей наиболее оптимальное соотношение детерминации и свободы. При этом исследователь ссылается на открытый математиком Е.А. Седовым «закон иерархических компенсаций», согласно которому уровень структурной информации не может опускаться ниже 80%, иначе система начинает терять свои адаптивные свойства и быстро впадает в хаос [Там же. С. 161].

Патриотизм как важнейшая составляющая экзистенции человека и есть один из компонентов «жёсткого ядра культуры». Идеология патриотизма – составная часть духовной культуры народа. В ставшей классической формуле американского антрополога Клиффорда Гирца «идеология – это метафора культуры» выражено понимание того, что идеология всегда закрепляется в языковом узусе и именно в дискурсивных практиках транслируется в массы. «И образность языка идеологий, и горячность, с какой, однажды принятые, они берутся под защиту, вызваны тем, что идеология пытается придать смысл непонятым социальным ситуациям, выстроить их так, чтобы внутри них стало возможно целесообразное действие» [24. С. 249].

### Литература

1. *Словарь* русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 3. П–Р, 1984. 752 с.
2. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.
3. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.
4. *Фуко М.* Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»: Университетская книга, 2004. 416 с.
5. *Тён А. ван Дейк.* Дискурс и власть: Репрезентация диминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
6. *Мараховский В.* Как бороться за Россию. О вырождении поп-патриотизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odnako.org/blogs/kak-borotsya-za-rossiyu-o-virozhdenii-pop-patriotizma/>
7. *Мирошниченко А.* 12 тезисов о вирусном редакторе [Электронный ресурс]. URL: [http://www.chaskor.ru/article/sushchestvo\\_interneta\\_21588](http://www.chaskor.ru/article/sushchestvo_interneta_21588)
8. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Bd 1. F.a.M.: Suhrkamp, 1995. P. 534.
9. *Леонтьев А.А.* Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания // *Вопр. порождения речи и обучения языку.* М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 6–16.
10. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 40–43.
11. *Воркачев С.Г.* Концепт как «зонтиковый термин» // *Язык, сознание, коммуникация.* М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 24. С. 5–12.
12. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
13. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
14. *Киселев Д.* Гид по современной российской действительности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elle.ru/stil-zhizni/events/ot-a-do-ya-alfavitnyiy-gid-po-sovremennoy-rossiyskoy-deystvitelnosti/>

15. Серенко А. Добиться взаимности от родины: Гламурный патриотизм как новая национальная идея [Электронный ресурс]. URL: [http://professional.ru/Soobschestva/narodnyj\\_kontrol/glamurnyj\\_patriotizm\\_kak\\_novaya\\_nacionalnaya\\_ideya\\_33146012/](http://professional.ru/Soobschestva/narodnyj_kontrol/glamurnyj_patriotizm_kak_novaya_nacionalnaya_ideya_33146012/)
16. Орешкин Д., Давыдов И. Империя нищих // Новое время. 2015. № 42 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newtimes.ru/articles/detail/105807#hcq=sxQVrAp>
17. Дугин А. К вопросу о патриотическом гомосексуализме [Электронный ресурс]. URL: <https://rufabula.com/author/alexander-blog/1214>
18. Патриоты себя. Семен Новопрудский о том, как россияне используют пропаганду в корыстных целях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/8369045.shtml#comments>
19. Олейник Т. Пар Отечества: 16 типов самых колоритных как бы патриотов нашей действительности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maximonline.ru/longreads/getsmart/article/patriots/>
20. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.
21. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
22. Паттерн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/pattern>
23. Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 158–172.
24. Гириц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.

# PATRIOTIC DISCOURSE IN THE NETWORK MEDIA SPACE

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 2017. 46. 188–201. DOI: 10.17223/19986645/46/14

Valentina D. Mansurova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: [mvd1951@mail.ru](mailto:mvd1951@mail.ru)

**Keywords:** patriotism, discourse semiosis, covalency, emergence, oxymoron metaphors, cognitive extreme, interdiscursivity.

In this paper, results of research on specifics of negative “semantic excessiveness” in the sphere of “patriotism” concepts in Russian network mass media publications (texts) are presented. The concepts “patriot” and “patriotism” being a traditional background of socially important codes of public consensus are revealed to be in the center of global connections.

Conceptual analysis of popular online and offline mass media shows the dominance of discourses with ambivalence of ideological and political environment in Russia. Content analysis of traditional (offline) mass media like the newspaper *Komsomolskaya Pravda* demonstrates that the sphere of patriotism concepts is oriented on the traditional meaning of patriotism. However, this discourse is less popular than hybrid discourses in online media.

Hybrid patriotic discourses in online media are represented in several forms. Discourse analysis of online mass media publications with a significant number of page visits confirms that such hybrid forms envelope all major spheres of social, cultural, economic and political life. However, discourses based on facts and artifacts of marginal and taboo spheres of social life prevail and become popular in a public space.

Online mass media texts demonstrate the explication of “patriot” and “patriotism” concepts into deviant forms. The meaning of words is shifted into areas of social and cultural anomalies, and ironical and expressive neoderivates along with concepts with negative and ambivalent connotations appear.

It is revealed that the first condition for derivatives of “patriot” and “patriotism” concepts with negative semantics in a public lexicon is caused by specifics of mass media hypertexts circulation on the Internet (i.e. their instant distribution and sharing). The second condition seems to be the nature of media texts emergence with unexpected changes of meanings not caused by their initial semantics.

The mechanism of this viral distribution of patriotic discourse derivatives with ambivalent and negative semantics is based on a specific semiosis of conceptual metaphors used in connotation and blending of meanings. Metaphors from marginal subcultures and taboo spheres are brought into the sphere of spiritual culture and ideology. This way, oxymorons like “homosexual patriotism”, “glamorous patriotism” and “trendy patriotism” are introduced into the public space. Expansion of such discourses has a manipulative effect, and the discourses dominate in a non-formal public communication.

Traditionally, patriotism is one of the pillars of the spiritual culture of Russian society. Loss of this pillar in a confrontation with negative discourses is a major threat to a dynamic functioning of the society system.

### References

1. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Translated from French. Moscow: Kastal'.
4. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; Universitetskaya kniga.
5. Dijk, T.A. van. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya diminirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Diminishing in Language and Communication]. Translated from English. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom".
6. Marakhovskiy, V. (2015) *Kak borot'sya za Rossiyu. O vyrozhdenii pop-patriotizma* [How to fight for Russia. On the degeneration of pop-patriotism]. [Online] Available from: <http://www.odnako.org/blogs/kak-borotsya-za-rossiyu-o-virozhdenii-pop-patriotizma/>.
7. Miroshnichenko, A. (2011) *12 tezisev o virusnom redaktore* [12 theses about the virus editor]. [Online] Available from: [http://www.chaskor.ru/article/sushchestvo\\_interneta\\_21588](http://www.chaskor.ru/article/sushchestvo_interneta_21588).
8. Habermas, J. (1995) *Theorie des kommunikativen Handelns* [Theory of communicative action]. Vol. 1. Frankfurt: Suhrkamr.
9. Leont'ev, A.A. (1967) Vnutrennyaya rech' i protsessy grammaticheskogo porozhdeniya vyskazyvaniya [Inner speech and the processes of grammatical generation of utterance]. In: Leont'ev, A.A. *Voprosy porozhdeniya rechi i obucheniya yazyku* [Issues of speech generation and language learning]. Moscow: Moscow State University.
10. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of the study]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Vorkachev, S.G. (2003) Kontsept kak "zontikovyy termin" [Concept as an "umbrella term"]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. 24. pp. 5–12.
12. Krasnykh, V.V. (2003) "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["At home" among "strangers": myth or reality?]. Moscow: Gnozis.
13. Popova, Z.D. & Sternin I.A. (2007) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh: Istoki.
14. Kiselev, D. (2015) *Gid po sovremennoy rossiyskoy deystvitel'nosti* [Guide to modern Russian reality]. [Online] Available from: <http://www.elle.ru/stil-zhizni/events/ot-a-do-ya-alfavitnyiy-gid-po-sovremennoy-rossiyskoy-deystvitelnosti/>.
15. Serenko, A. (2011) *Dobit'sya vzaimnosti ot rodiny. Glamurnyy patriotizm kak novaya natsional'naya ideya* [To achieve reciprocity from the homeland. Glamorous patriotism as a new national idea]. [Online] Available from: [http://professional.ru/Sooobschestva/narodnyj\\_kontrol/glamurnyj\\_patriotizm\\_kak\\_novaya\\_nacionalnaya\\_ideya\\_33146012/](http://professional.ru/Sooobschestva/narodnyj_kontrol/glamurnyj_patriotizm_kak_novaya_nacionalnaya_ideya_33146012/).
16. Oreshkin, D. & Davydov, I. (2015) Imperiya nishchikh [Empire of the poor]. *Novoe vremya*. 42. 14 December. [Online] Available from: <http://www.newtimes.ru/articles/detail/105807#hcq=sxQVrAp>.
17. Dugin, A. (2016) *K voprosu o patrioticheskom gomoseksualizme* [On the issue of patriotic homosexuality]. [Online] Available from: <https://rufabula.com/author/alexander-blog/1214>.
18. Novoprudskiy, S. (2016) *Patrioty sebya* [Patriots of themselves]. [Online] Available from: <http://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/8369045.shtml#comments>.
19. Oleynik, T. (2016) *Par Otechestva: 16 tipov samykh koloritnykh kak by patriotov nashey deystvitel'nosti* [Steam of the homeland: 16 types of the most colorful patriots of our reality]. [Online] Available from: [http://www.maximonline.ru/longreads/get-smart/\\_article/patriots/](http://www.maximonline.ru/longreads/get-smart/_article/patriots/).
20. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2006) *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in a political interdiscourse]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

21. Arutyunova, N.D. (1990) *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafor* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
22. Psychologos.ru. (n.d.) *Pattern*. [Online] Available from: <http://www.psychologos.ru/articles/view/pattern>. (In Russian)
23. Sapronov, M.V. (2002) *Sinergeticheskiy podkhod v istoricheskikh issledovaniyakh: novye vozmozhnosti i trudnosti primeneniya* [The synergetic approach in historical research: new opportunities and difficulties of application]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 158–172.
24. Geertz, K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of Cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.